

А. ЖВАЛЕВСКИЙ, Е. ПАСТЕРНАК

ТИПА СМОТРИ КОРОЧЕ

Серия «Время - детство!»

Все смешалось в седьмом «А»: война и любовь, взрывы и катастрофы, сражения и... опять любовь. Такой уж это возраст — прыжок из детства в юность. Поход в кино с девочкой равносителен добыче Золотого Руна. Драка на пустыре по бессмысленности не уступает любой из мировых войн, а розы на пороге могут полностью изменить мир, пусть всего на несколько минут. Но окружающие взрослые всего этого не понимают. И слов, чтобы объяснить им, так мало. Потому что типа... смотри... ну, короче...

Многие рассказы из этой книги входили в сборник «Шекспиру и не снилось», который в 2012 году стал одним из победителей Всероссийского конкурса на лучшее литературное произведение для детей и юношества «Книгуру».

НОВЫЙ ГОД В 7 «А»

7 «А» класс ввалился в холл, топая, чтобы стряхнуть налипший снег, и тут же устроил небольшую давку у гардероба. Девчонки, не переставая визжать и шептаться, оккупировали зеркало, мальчишки, вынужденные снять капюшоны курток, натянули капюшоны от баек и с равнодушным видом стали вдоль стен, уткнувшись в телефоны.

— Все разделись? — громко спросила Полина Александровна.

— Угу, — вторил ей нестройный хор.

— Тогда пойдём наверх! — жизнерадостно воскликнула классная и повела неорганизованную толпу на новогодний вечер.

Девчонки галдели, как вольер с попугайчиками.

— Ой, смотри, смотри, Кислицына на каких каблучищах...

— Интересно, медляки будут ставить?

— А зачем тебе медляки — Витечку своего будешь приглашать?

— Смотри, в чём Лопахина пришла! Юбка в звёздочку, как в детском садике.

Мальчишки сурово и мужественно шагали по ступенькам, не поднимая глаз и не вынимая рук из карманов. В актовом зале ввалились все разом.

— Здравствуйте, дети!

7 «А» остановился на пороге, с недоумением уставившись на юную красавицу Снегурочку. Она стояла, лучезарно улыбалась и переливалась разноцветными огнями в свете ярких прожекторов.

— Какие, нафиг, дети? — огрызнулся Радомский.

— Павел! — одёрнула его бдительная классная. — Следи за языком!

— Заходите, гости дорогие, — продолжала Снегурочка. — Дедушка Мороз уже в пути, а пока он едет, мы с вами поиграем!

Классная, одобрительно кивнув, скрылась в коридоре. Снегурочка ей явно понравилась.

— Они чё, с дуба упали? — поинтересовалась Милка, глядя на Снегурочку, как на привидение.

Из колонок полилась радостная детская песенка, Снегурочка схватила за руку Полину, та — Лопухина, Лопух рефлекторно схватил Витьку, Витька Таньку... Семиклассники опомниться не успели, как оказались втянутыми в хоровод. На их лицах было ошеломление, смешанное с отчаянием.

Снегурочка, как танк с невероятной тягловой силой, тащила за собой всю цепочку. Она с удивительной проворностью вкручивалась в толпу, заворачивая её на манер серпантина.

— Ай, молодцы, ай, удальцы! — расхохоталась она, прилетев к сцене. — А сейчас мне нужны три сильных и ловких мальчика, которые не боятся трудностей.

Пацаны все как один сделали шаг назад.

— Я знала, что ты согласишься! — бодро вскрикнула Снегурочка и направилась прямо к Лопуху.

— Нет, — твёрдо сказал он.

— Испугался? — спросила девушка мимо микрофона.

— Нет, но.

— Кто первый участник нашего конкурса?

— Лопух! — заржал класс.

— Лопух! — радостно завершила Снегурочка.

Следующие две жертвы были вытянуты точно так же — быстро и ловко. За секунду у них оказались связанными руки, а перед носом появились яблоки, подвешенные на ниточке. А ещё через секунду на глазах очутились плотные повязки.

— Лопух! Лопух! — заскандировала Снегурочка в микрофон. — Давай, давай!

Лопухин с удовольствием бы ушёл, но. Очки у Снегурочки, глаза завязаны, направление неизвестно. Даже если содрать повязку, в темноте можно и в стенку впечататься с разбегу! Лопух представил, как над ним покатывается весь класс, и остался на месте.

— Кирилл! Кирилл! — заорала Снегурочка.

«Чего это Кирилл, а не я?» — обиделся Лопух и принялся кусать.

Яблока было твёрдое, холодное. Оно противно било по носу и выскальзывало изо рта.

— Лопух! Лопух!

Он приободрился и постарался ухватить с другой стороны.

— Репин! Репин!

Лопухов разозлился и открыл пошире рот.

— Кирилл! Кирилл! Девочки, давайте хором!

Это-то Лопухова и добило. Он вывернулся, ухватил яблоко за ножку и вгрызся в него зубами.

— А-а-а-а-а! — от вопля Снерурки он чуть не подавился, но удержал яблоко в зубах. — Лопух победил! Всем спасибо! Теперь конкурс для девочек.

Сняв повязку с глаз, Лопухов заметил, что беспощадная Снегурочка выволокла из угла Кислицыну и тащит её за собой в центр зала. Он выплюнул надкусанное яблоко и принялся орать с остальными:

— Лопахина! Лопахина!

И тут же, поддерживая бодрю, как белка, Снегурочку:

— Демидова! Демидова! Ириша! Ириша!

Тем временем помощница Деда Мороза зафиксировала трёх упирающихся семиклассниц в центре круга.

— Конкурс танцевальный! — теперь Снегурка отложила микрофон и орала на весь зал. — Кто победит, объявляется королевой сегодняшнего вечера!

Невольные участницы танцевального шоу ревниво переглянулись. Ириша третий год ходит на балльные танцы. Лера Демидова занимается фигурным катанием, где каждую тренировку мучают хореографической подготовкой. Только у Тани Лопахиной не было в этом соревновании никаких шансов.

— Приготовились! — Снегурочка подбежала к стоящему в углу ноутбуку. — Начали!

И она ткнула в клавишу. Из колонок грянула «В лесу родилась ёлочка». Лера, Таня и Ириша замерли в ступоре. Остальные девчонки ехидно зашушукались. Сильная половина класса похохатывала в кулак. Снегурочка перекрикивала музыку:

— Неужели никто не хочет стать самой-самой? Никому не нужно звание Снежной Королевы?

Первой не выдержала Ириша. Она хотела быть королевой и собиралась бороться за это звание. Раскинув руки, как учил тренер, она мысленно отсчитала («Раз-два-три-четыре... раз»)

— и принялась изгибаться в румбе.

Трудно представить себе более нелепое зрелище, чем бразильский танец любви, сопровождаемый словами «Трусика зайка серенький под ёлочкой скакал...»

Грохнули все разом, даже Снегурочка хихикала, не скрываясь.

Ириша покрылась пятнами, но продолжала плавно покачивать бёдрами и выводить замысловатые кренделя руками. Теперь казалось, что она отгоняет от себя мух. Лера, не рискуя разделить позор с подругой, бросилась из круга и укрылась за спинами одноклассников. В центре, рядом с судорожно «танцующей» Иришей осталась только Таня. Она ещё полкуплета тормозила, но на словах «А в дровнях мужичок» неожиданно для себя самой испустила тоненький писк и принялась отплясывать нечто среднее между кадрилию, полькой и присядкой. Класс повалился от хохота.

— Ай, молодцы! — как ни в чём не бывало подбадривала Снегурочка. — Ай, умнички!

В Таню словно кто-то вселился. Он заставлял приседать и подпрыгивать, кружиться вокруг своей оси, а попутно ещё и строить невозможные рожи.

— Круто! Прикол! — вопили одноклассники. — Жесть!

Ириша, сцепив зубы, держала ритм и ждала, когда эта мучительно долгая песня закончится. Но на последних словах Снегурочка заявила: «Победитель не определён!» и запустила «Ёлочку» сначала — к общему восторгу зрителей.

Это только воодушевило Таню. Она выделывала такие коленца, что сама удивилась бы, если бы видела себя со стороны. А чего стесняться, если по приколу?

Ира закусила губу и уже собиралась покинуть поле боля, но к ней подскочил Радомский.

— По приколу! — заявил он и закружил Иришу в каком-то варварском танце.

— Прикол! По приколу! — подхватили остальные мальчишки, хватая визжащих одноклассниц.

— Танцуют все! — приказала Снегурочка.

И все принялись танцевать. Даже мальчишки, которые обычно подпирали стенки. Даже скромница Полина Ковалёва. Даже угловатый Витька. А Никитос, вспомнив золотое детство, вскочил на стул и принялся декламировать:

— Однажды в студёную зимнюю пору...

— Препяхин!

Хотя хороводная музыка всё ещё гремела, семиклассники остановились как вкопанные. В дверях зала стояла классная.

— Препяхин, немедленно слезай со стула! Лопихина! Что это за дикие танцы!

Наведя порядок, учительница сухо кивнула притихшей Снегурочке:

— Продолжайте.

...Остаток вечера прошёл в тоске: появился Дед Мороз, с фальшивой бодростью поздравил «ребят» (от этого слова многих передёрнуло) с Новым годом и рассовал подарки. Объявленные после этого танцы завяли ещё до начала. Уже через полчаса семиклассники начали разбредаться. Снегурочка затаилась в углу, боясь открыть рот. Выражение лица Деда Мороза невозможно было разобрать под бородой.

На следующий день классная докладывала директору:

— Всё прошло организовано.

— А как детям? Понравилось?

— А что дети, — учительница тяжело вздохнула. — Дети теперь пошли циничные, они совсем не верят в Деда Мороза...

ЗАБИЯКИ

— А нечего было толкаться! — сказал Радомский.

— А нечего было сплетни рассказывать! — ответил Препяхин и на полшага пододвинулся к противнику.

— Какие сплетни?! — возмутился Радомский. — Про Кислицыну уже весь класс знает, что она курит!

— А душой называть зачем?! — закипел Препяхин.

— А толкаться зачем?! — пошел на второй круг Радомский.

— Так! — строго сказала классная, становясь между забияками. — Хватит! Ваши сыновья вдвоём стекло выбивали — значит, вы вдвоём его и вставьте!

НА ВОЙНЕ

Они все козлы!

Началось с того, что Никитос упёрся. Типа я криво рулю в тимбаттле, и потому мы слили на прошлой неделе «бэшкам». Я, само собой, хотел его опустить:

— А ты что, круче меня смог бы?! Да они озверина просто наелись.

Но он завёлся:

— Без вопросов! В следующий раз я буду за главного — вот посмотришь!

Я-то думал, что наши все за меня. И зря. Киреев тут же Препяхину подпевать стал:

— Ты, Радомский, сам рисуешься, хочешь, чтобы все тебя прикрывали, а на команду забил.

Кирюха тоже что-то такое подвякивал. Даже Витька сидел и тупо молчал. А мы с ним с детского сада! Короче, я психанул и хотел вообще из команды свалить, но удержался. Что тогда дома делать? Одному в «Контру» гонять уже не прикольно, остальные игрушки не вставляют. Книжки, что ли, читать, как мама требует?

*

Пошли в субботу в клуб. «Бэшки» уже там, довольные такие. Подкальвать с ходу начали, фору предлагали. Но мы не повелись, спокойно сели играть. Никитос командует, я делаю вид, что всё нормально.

И вдруг стало ясно, что «бэшки» сегодня тупят. То один подставится, то другой. Сперва я радовался, а потом просёк: так это ж Препяхин себе всю славу припишет. Типа при мне

продули, а при нём поднялись. Я даже обороты сбавил, стрелять стал поменьше, вперёд не лез. Вот когда «бэшки» очухаются, я такой выскочу из засады и всех положу. Тогда поймут, кто тут крутой.

Но мы всё равно выигрывали. «Бэшки» совсем расклеились, между собой ругаются, напролом лезут. И тут удачно получилось: на Никитоса ихний боец выскочил со слобойкой. Я сзади прикрывал, мог срезать, но специально притормозил. Подождал, пока Препяхина по стене размажут, а уж потом бойца завалил и заодно на себя командование взял.

Короче, победили мы их всухую. Никитос рожу кривит, но понимает, что я игру спас. И я бы назад себе командование выбил... если бы не лучший друг. Когда мы в сотый раз обсуждали, как Препяхина завалили и пришлось на ходу тактику менять, Витька вдруг встрял:

— Пашка, ты почему Никитоса не прикрыл?

Не люблю, когда меня «Пашка» называют. И Витька это знает, но всё равно назвал.

— Да я прикрыл! — возмутился я. — Не успел просто, он оторвался за поворотом.

Никитос молчит, он вряд ли помнит расклад — за поворотом он был или нет, а Витька своё гнёт:

— За каким поворотом? Ты в двух шагах стоял и в прямой видимости! Ты спецом его дал завалить!

Мы поругались. Никто ничего никому не доказал, но разошлись злые друг на друга. Кирюха предлагал меня из команды гнать, но тут Никитос вступился:

— Да нет, он, кажется, правда за углом был. И вообще, Радомский — лучший боец. Кого вместо него возьмём?

Пожалел, значит. Вступился, хотя его не просили. Но я и это стерпел.

Только дома с родителями поругался. Мама опять завела свою песню про книги и чтение. Она в мои годы, типа, под одеялом с фонариком читала, зрение посадила. А я только в комп плясую, скоро без глаз останусь. Не, ну нормально, да? На чтении близорукость заработать — это нормально, а пару часов у монитора посидеть — это всё? Кстати, зрение у меня супер, я потому и лучший снайпер в команде. Но маме я этого не сказал, а съехидничал:

— А чего ж ты сейчас не читаешь? Чуть что — сериал смотришь или с подружками по телефону треплешься!

Мама от злости ничего сказать не смогла, отца позвала. Он начал на мозги капать, но я и у него поинтересовался:

— А ты много книг прочитал за последний год?

Короче, поругались. Мама шнур от монитора спрятала. Но на следующий день я у Лопуха одолжил. У него папа компами торгует, дома всегда куча кабелей валяется. Мама вернулась с работы, только рукой махнула. И предупредила:

— Через полчаса отец придёт. Увидит — продаст твой компьютер!

Я не поверил, но на всякий случай перед приходом папы отключил комп и провод спрятал.

*

Когда в следующий раз играть в тимбаттл сели, всё вроде нормально шло, только Витька меня нервировал. Он не столько по «бэшкам» стрелял, сколько меня пас, чтобы я больше никого не подставил.

Я нервничал, дёргался, один раз чуть в засаду не влетел. Витька меня вовремя прикрыл, но я от этого только больше завёлся. И уже к концу игры он меня так достал своей опекой, что я не выдержал, развернулся и всю обойму своей эмки в Витьку разрядил.

Ор стоял на весь клуб. Админ выпер нас и обещал больше не пускать. «Бэшки» обиделись — их-то за что? Наши мне чуть по голове не настучали. Потом Никитос заявил, что выгоняет меня из команды, а я ответил, что и сам уйду от таких дебилов. Разошлись в разные стороны, злые как крысы.

Дома ждал новый облом: мама куда-то припрятала и кабель, который я у Лопуха выпросил. Я кинулся ему звонить, а Лопух звонки сбрасывает. Ну, я не поленился, заскочил к нему домой (тут два этажа разницы), но Лопух даже дверь не открыл. Через дверь сказал, что ему позвонили и всё про меня рассказали — что я ламер и предатель, своих мочу, всех подставляю.

Так мне тошно стало, что даже спорить не стал. Развернулся — и домой. Послonyaлся по комнате и от тоски схватил какую-то книжку. Что-то про эльфов и драконов, не помню, откуда она у меня.

И мало-помалу втянулся. Там крутой экшн оказался, всё время на героя кто-то нападает или хотя бы собирается напасть. Я и не заметил, как мама домой вернулась и ко мне в комнату заглянула.

— Ты что, читаешь?

Спорить было глупо. Я кивнул. Мама раза три перевела взгляд с книги на выключенный комп и обратно. Ничего больше не сказала, осторожно прикрыла дверь. Я пожал

плечами и продолжил читать.

И тут услышал мамин голос из-за стены:

— Люся? Привет. Нормально. А твой сын где?.. В компьютерном клубе?.. А мой Павлик книгу читает... Ну как-как... Поговорили с ним серьёзно, вот он и... Да ничего особенного не сказали, тут главное терпение...

Я со всей дури запустил книгой в стену.

РАДОСТЬ ЖИЗНИ

— Вы совершенно бесчувственные! У вас нет ничего святого! Что вы. — Марь Иванна попыталась подобрать литературное выражение, но не сдержалась, — ржёте как кони? Тут нет ничего смешного! Это трагедия!

Пацаны на задних партах с огромным трудом держали серьёзные лица. Прочитанное по программе произведение действительно было трагедией, главный герой умирал от страшной болезни, умирал всю последнюю главу.

Таня сидела за первой партой, и чтобы посмотреть на класс, ей пришлось оглянуться. Большинство отбивало урок, равнодушно уткнувшись в учебник. Или делали вид, что уткнулись в учебник, а сами занимались своими делами.

— Что смешного? — с отчаянием в голосе спросила учительница.

— Да Марь Иванна, что ж они все умирают-то? — спросил Препяхин. — В прошлой повести героя на войне убили, этот от болезни умирает, Муму утопили. Сил нет их всех жалеть!

Класс грохнул. Марь Иванна впала в ступор.

— Настоящая серьёзная литература всегда трагична, — выдавила она. Таня задумалась, отключившись от того, что происходило в классе. «Мальчика из книги жалко. Хороший мальчик, способный. И умер. Но я больше люблю, когда не умирают, — подумала Таня. — Я люблю, когда болел-болел, а потом выздоровел. Потому что когда болеешь, а потом выздоравливаешь, сразу хорошо. А тут умер. Плохо. Навсегда».

Таня включилась на минутку и услышала про то, что нужно тренировать душу страданиями, иначе «вы все так и останетесь эмоциональными калеками». Таня опять

отключилась.

«А если долго болеть, то, наверное, выходишь на улицу, а там солнце, воздух — счастье. Или если нога была долго сломана, а тут раз — гипс сняли. И бежишь. Счастье. Наверное.

Или если думал, что кто-то умер, а этот кто-то раз — и живой. Наверное, больше с ним не будешь ругаться никогда, не будешь цепляться по мелочам. Вот если б Ксюша чуть не умерла, мы б с ней больше никогда не ссорились! Мы б ценили... Или если б Милка умерла...»

Таня посмотрела в сторону Кислицыной и представила, как в один прекрасный момент к ним в класс придет классная и срывающимся голосом объявит, что Милки больше нет. И как все оцепенеют и заплачут. И что будет с её местом в классе? Неужели на него кто-нибудь осмелится сесть?

Таня вообще-то не очень любила Кислицыну, но от одной мысли о том, что она её больше никогда не увидит, по спине побежал противный холодок. Сразу вспомнилось, как когда-то, в детстве, в пятом классе, Милка защитила её от старшеклассника. И как они мороженое ели на скорость, за углом школы. И как Милка у неё дома готовила обед, — она-то умеет, она дома уже давно всё готовит. Танина мама была потрясена тогда, весь мозг Тане выпила, что она лентяйка и неумеха. А Мила, когда не понтуется, очень даже нормальная. И если она вдруг, не дай бог, тьфу-тьфу-тьфу...

Таня, подчиняясь неясному порыву, схватила телефон и написала сообщение: «Мила, приходи ко мне в гости после школы!». Оглянулась. Посмотрела, как Мила полезла в карман за телефоном, как изумлённо поднялись её тщательно выщипанные брови. Потом она встретилась взглядом с Таней. Неожиданно улыбнулась. Кивнула.

И Тане сразу стало так хорошо! Как будто успела сделать что-то важное.

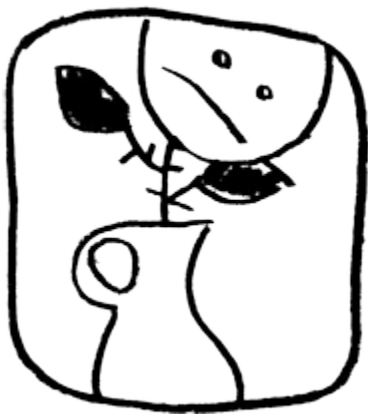
А тут и яркое солнце ударило в окно.

«А ведь не обязательно умирать! — сообразила Таня. — Ведь и так можно не ссориться. И солнце — это счастье! И воздух! И пойдём гулять сегодня».

— Татьяна!!! Что ты улыбаешься? Это просто невозможно! Я вам о серьёзных вещах, а вы... Как ты себя ведёшь! Дай дневник!

«А всё равно хорошо!» — думала Таня, рассматривая размашистую запись в дневнике.

«Улыбалась на уроке литературы!!!»

РОЗА ДЛЯ ЛОПУХА

На мобиле зазвонила напоминалка. Лопух с ненавистью посмотрел на неё, но от компа отлип. Надо было вынести мусор до прихода отца, а то начнётся.

Он с омерзением взял мешок, заранее прислонённый к стулу, и, шаркая по полу, двинулся в прихожую.

Открыл дверь.

На коврике лежала ослепительно-белая роза.

Где-то вверху топали тапочки, а потом хлопнула дверь. «На седьмом или восьмом, — подумал Лопух, не отводя глаз от цветка. — Интересно, кому бы это?»

Первой на ум пришла мама. Мама была уже старая, «затридцать», а папа ей дважды в год цветы дарил: на 8 Марта и на день рождения. Но оба этих праздника были далеко, как, собственно, и мама, которая на неделю укатила в командировку, просила, чтобы они с папой грязью не заросли... Тут Лопух вспомнил про пакет в руке, покосился на него — но выносить мусор, переступая через такую красоту, было бы этим... как его... кошунством!

Поэтому Лопух продолжил гадать. Может быть, папе? Он представил себе папу, большого, квадратного, с головой без шеи... и с розочкой в руках. Хихикнул. Нет, точно не папе.

Оставался последний вариант, самый приятный — и при этом самый тревожный.

Роза предназначалась самому Лопуху.

Оно конечно, мужчинам редко дарят цветы, но дарят же! Вот дедушке на юбилей дарили. И когда хоронили соседа... Тут Лопух сглотнул и помотал головой — плохой пример. Да и цветы у соседа на похоронах были всё больше искусственные.

Он внимательно посмотрел на розу. Пошевелил её ногой. Кажется, не искусственная. «Настоящему мужику, — пафосно подумал Лопух, — дарят настоящие цветы!»

Лопух, когда волновался, или ел, или пафосно думал.

Но кто это был?! Кто-то из подъезда, потому что в тапочках. И с верхних этажей.

Из всех знакомых девчонок подходила только Милка Кислицына. Это немного огорчило Лопуха. Его больше устроила бы Ириша или, на худой конец, Танька. Ксюша ничего.

Но и Милка тоже нормально.

Даже круто! Сама постеснялась... Тут мысли Лопуха забуксовали: слова «Милка» и «постеснялась» рядом смотрелись странно. Однако и это затруднение Лопух преодолел силой интеллекта: «Девчонки — они только снаружи наглые, а внутри ранимые!»

Очень некстати вспомнилось, как в пятом классе Кислицына отлупила его портфелем. «Кто кого чубит, — строго повторил себе бабушкину присказку Лопух, — тот того и любит!»

Так что всё складывалось. Милка давно положила на него глаз, но не знала, как открыться. Отлупила портфелем — и то не понял чувств. Теперь решила вот так, розочкой. «Надо ей „Вконтакте“ написать что-нибудь, — с теплотой подумал Лопух. — И ещё... ещё...»

Как ещё ответить взаимностью на такую страстную Милкину любовь, Лопух придумать не успел, его вывел из ступора голос Никитоса:

— А! Вот она!

Препяхин нагнулся и схватил розу. Лопух чуть по башке ему не врезал — его розу! Символ любви!

— Это я тётке Томе, — хмуро пояснил Никитос, — на дноху. Сестра попросила. Дала пять роз, я пока донёс — уже четыре...

А Лопух мучительно краснел. Как он мог забыть, что Никитос в его подъезде живёт? А тётка препяхинская — как раз на седьмом!

Тут Препяхин спросил:

— А ты чего?

— Мусор выношу, — буркнул Лопух и помахал мешком.

— Ясно, — сказал Никитос и зашагал наверх.

Унося с собой нежную розу, символ несостоявшейся любви стеснительной Милки к настоящему мужику Лопуху.

ПОГОВОРИМ О СЕКСЕ

Мама вошла в квартиру и замерла, даже не закрыв дверь. Из комнаты любимой доченьки Ксюши, тихой и застенчивой девочки, донеслось недовольное:

— Ну не знаю, мне секс не понравился. Полтора часа — никакого удовольствия.

Маме на мгновение показалось, что это не дочкин голос, это какая-то другая, развратная и падшая, девчонка забралась к ним в дом, но тут раздалось громко и отчётливо:

— Я говорю — ерунда твой секс!

Мама неслышно икнула. Это точно была Ксюша.

— А что второй раз? И второй раз мне не вставило...

Мама схватилась за сердце.

— Почему с Радомским? Я с Милкой...

Мама почувствовала, что ноги её не держат, и прислонилась к косяку.

— Завтра? А кто ещё будет? Препяхин и Репин? Ну я не зна-а-а-ю...

Пакет из ватных маминых рук шмякнулся на пол, оглушительно звякнув бутылками папиного пива. Тут же распахнулась дверь Ксюшиной комнаты, и на пороге показалась испуганная дочка с мобильником в руке.

— Ой, Тань, я перезвоню! — выпалила она и отключила телефон. — Мам, ты чего?

— Ничего, — через силу улыбнулась мама. — Я... споткнулась... Подними пакет, пожалуйста.

В полном молчании они дошли до кухни. Мама рухнула на стул, а дочка, опасливо на неё поглядывая, принялась выгребать осколки в мусорный пакет. Наконец Ксюша не выдержала:

— Мам, ты чего? У тебя лицо какое-то...

Продолжая натянуто улыбаться, мама сказала:

— Я хотела с тобой поговорить... о сексе...

— А-а-а, — обрадовалась Ксюша, — да все на нём поехали просто! «Секс в большом городе»! «Секс в большом городе»! Я два раза смотрела — ерунда! Вот Таня завтра опять зовёт, там полкласса будет, как думаешь, идти?.. Мам, ты чего?

Мама с неизъяснимым наслаждением хохотала, уткнув лицо в дрожащие ладони.

ЕСТЬ КОНТАКТ!

*Большое спасибо читателям
московской библиотеки им. Гайдара
за то, что помогли дописать
этот рассказ!*

Авторы

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru